

Среди металла.

(Въ машинномъ отдѣлѣ).

Когда, поутру, войдешь въ машинный отдѣлъ—это царство стали, мѣди, желѣза,—увидишь спокойный, неподвижный и холодно блестящій металлъ, разнообразно изогнутый, щегольски чистый, красиво размѣщенный, присмотришься ко всѣмъ этимъ

сложнымъ организмѣмъ, каждый членъ которыхъ созданъ человѣческимъ умомъ и работаетъ его рукой,—чувствуешь гордость за человѣка, удивляешься его силѣ, радуешься его побѣдѣ надъ бездушнымъ желѣзомъ, холодной сталью и блестящей мѣдью и съ глубокой благодарностью вспоминаешь имена Аркрайта, Тома Стефенсона, Джона Уатта и другихъ завоевателей, людей оживившихъ бездушныя массы, изъ которыхъ раньше дѣлалось гораздо болѣе мечей, чѣмъ плуговъ.

Какъ своеобразно хороши и какъ сильны всѣ эти блестящіе станки, поршни, цилиндры, центро-фуги, сколько могучаго въ сѣрой массѣ парового котла, сколько холодной силы въ зубьяхъ разнообразныхъ пилъ, сколько щегольского, кокетливаго блеска въ арматурѣ и мощи въ громадныхъ маховикахъ, приводящихъ въ движеніе десяти и стопудовыя части машинъ. Все это стоитъ молча, неподвижно, блещетъ силой, гармоніей частей и полно смысла, полно движенія пока еще въ потенціи, но возможнаго—стоитъ дать рукѣ человѣка одинъ толчекъ—и тысячи пудовъ желѣза завертятся съ головокружительной быстротой.

Предъ вами цѣлое зданіе изъ трубъ красной мѣди, прихотливо изогнутыхъ, ослѣпляющихъ ваши глаза блескомъ. Вотъ аппаратъ для сахароваренія. Въ немъ можно за одинъ пріемъ сварить двухъ воловъ. Вотъ страшно оскалилъ стальные зубы лѣсопильный станокъ, здѣсь простеръ во всѣ стороны свои тонкіе пальцы мотальный станокъ, тамъ вся, какъ въ паутинѣ олутана пряжей чесальная машина. Паровой молотъ, готовый грохнуть о наковальню, виситъ въ воздухѣ, неизвѣстно какъ удерживаясь въ своей рамѣ. Цилиндры и поршни моторовъ блестятъ на солнцѣ, свободно проникающемъ со всѣхъ сторонъ въ ажурное зданіе отдѣла. Всюду—чудеса изъ металловъ и всюду все молчитъ и не движется, ожидая команды человѣка, своего создателя и владыки.

А онъ,—этотъ творецъ и владыка—тутъ же, около своихъ стальныхъ дѣтищъ. Онъ ползаетъ вокругъ нихъ и подъ ними, весь въ грязномъ маслѣ, въ поту, въ рваной одеждѣ, съ грязной тряпкой въ рукѣ и съ утомленіемъ на эфіопски-черномъ лицѣ, глаза у него странно тупы, онъ не разговорчивъ, мало подвиженъ, автоматиченъ, въ его фигурѣ нѣтъ ничего, что напоминало бы о немъ, какъ о владыкѣ желѣза. Онъ просто жалокъ и ничтоженъ въ сравненіи съ блестящимъ, сильнымъ, красивымъ металломъ, созданнымъ для облегченія человѣческой жизни и человѣческаго труда.

На него—живую плоть и кровь—почему-то непріятно смотрѣть въ царствѣ бездушныхъ машинъ.

Уходишь изъ отдѣла съ чувствомъ удивленія предъ машинами, съ чувствомъ смущенія и обиды за человѣка.

Потомъ возвращаешься снова, когда „всѣ машины въ дѣйствіи“.

Ажурное зданіе все, отъ основанія до купола, дрожитъ и дребезжитъ, какъ бы испуганное массой движенія вмѣщенного имъ въ себѣ. Кругомъ, куда ни кинешь взглядъ, все движется, вертится, ходитъ, вьется, летаетъ и творитъ оглушающій шумъ. Громадные маховики разрѣзаютъ воздухъ, и онъ какъ-то протестующе шипитъ; посвистываютъ поршни, вылетая изъ цилиндровъ, жужжатъ валы, грохаютъ педали станковъ, гдѣ-то льется и плещетъ вода, гнѣвно фыркаютъ аппараты для приготовленія искусственныхъ минеральныхъ водъ, свистятъ приводы, взвизгиваютъ пилы, и сто разъ отраженное эхо усиливаетъ эту какофонію до размѣровъ адской вакханаліи.

Съ блескомъ, съ шикомъ, съ страшной силой движутся сталь и желѣзо, подчиняясь одному общему принципу, регулирующему каждое движеніе, придающему всей этой работѣ однообразный, усыпляющій душу ритмъ. Здѣсь все поставлено разъ на всегда въ извѣстный опредѣленный шаблонъ—это колесо обернется столько то разъ въ минуту, ни больше не меньше, этотъ поршень выдвинется изъ цилиндра на столько-то дюймовъ, ни больше, не меньше. Тутъ нѣтъ мѣста воображенію, фантазіи, уму. Тутъ царствуетъ неодухотворенное, мертвое движеніе, лишенное свободы.

Въ глазахъ мелькаютъ громадные куски желѣза и чугуна, сверкаетъ сталь, сіяетъ мѣдь, рычатъ, шипятъ, гудятъ бездушныя машины.

Человѣкъ въ поту и въ грязи, человѣкъ въ оборванной одеждѣ, молча поитъ масломъ маленькія части машинъ и стираетъ съ нихъ грязь и потъ гораздо чаще, чѣмъ съ своего лица и рукъ, украшенныхъ ссадинами, тогда какъ на желѣзѣ нѣтъ ни малѣйшей царапинки. Среди этого шума, гула и непрерывнаго движенія онъ какъ игрушка, изломанная, старая игрушка, жалокъ и не нуженъ. Онъ такъ автоматиченъ, такъ подчиненъ движенію машинъ и углубленъ въ созерцаніе хода ихъ работы, что кажется—у него нѣтъ своей жизни, и онъ заимствуетъ энергію движенія у машинъ.

Развѣ все эти гиганты изъ метал-
лующіе монотонный, тяжелый мэн-
въ они облегчаютъ его трудъ? Онѣ
ло въ ихъ власти. Они кружатся,
грохочутъ, оглушаютъ, не уставая,
не чувствуя утомленія работы,
боли ломаются—онѣ утомляясь,
болѣя ухаживаетъ за ними—тупой
душный ко всему отъ усталости...

Постоявъ минутъ десять гдѣ на
сторонѣ отъ этого танца и посмотрѣвъ
на него—чувствуешь себя опьяненнымъ
шумомъ и движеніемъ, подавленнымъ
битымъ. Кажется, что ты присут-
ствуешь при чемъ-то глубоко ироническомъ,
былъ въ царствѣ, гдѣ желѣзо гла-
вуетъ, а человѣкъ служитъ ему,
рабски, притупляя свои нервы ав-
томомъ созерцаемаго имъ движенія,
приложить въ эту гармонію парамъ
ничего, ни одной іоты своей фанта-
зии, всего отъ самого себя, всецѣло по-
существующему порядку движенія
поршней, приводовъ и прочихъ част-
ей этихъ стальныхъ организмовъ, на
счетъ его крови и плоти, про-
сто на счетъ его ума и сердца.

Уходишь изъ этой адской пляски
и долго еще предъ глазами у тебя
блещутъ деревянные пальцы, мотающіе
зубья пилъ, перекусывающіе дере-
вянные лезвія, строгающія желѣзо,
челюсти, жующія металлъ... И все
равнодушно, однообразно, безчув-
ственно одинаковой силой и тѣмъ же стр-
аннымъ движеніемъ, какимъ она
деревянное, машина оторветъ вамъ голо-
ву, раздробитъ все кости.

А служащій ей человѣкъ все вози-
тъ ее и поить ее масломъ и за-
тираетъ съ нея потъ и слѣдитъ,
глядя за ея автоматичной, на-
пряженной душой тоску и ужасъ, съ-
таетъ такъ громко-шумной жизнью.